

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КАТЕГОРИИ СМЫСЛА
В ФИЛОСОФИИ ИММАНУИЛА КАНТА*

Аннотация: В работе рассматриваются основные аспекты категории времени кантовской философии. Познавательный процесс предполагается хронологически обусловленным осмыслением. При этом осуществляется попытка анализа современного понимания категории смысла в принципах кантовской гносеологии.

Ключевые слова: категории времени и смысла, философия И.Канта, истина, чувственность, рассудок.

Философия вообще может оставаться сама собой лишь как постоянно изменяющееся, ускользающее, пульсирующее жизнью знание. Как только происходит остановка, фиксация в некотором моменте времени, философия «умирает». Такое её свойство, в первую очередь, связано с двумя моментами: во-первых, философия, во многом, есть *мировоззрение*, а мир, всегда принципиальный противник любой статики; и, во-вторых, на пути поиска истины философии присуще свойство постоянной смыслополагающей верификации посылок и идей, рождаемых в процессе философствования. А где есть постоянная проверка, должны быть и постоянные изменения. «Философия является не “доктриной”, но критикой: она не сама порождает науку о предметах природы, но учит вскрывать заблуждения, и делает то, без чего была бы невозможна никакая наука: позитивно определять “горизонт” познания» (1).

Формально-логическое исследование возможно только для хронологически статичного объекта. Точнее, что чаще всего и бывает, искусственно зафиксированной в памяти исследователя точки, некоего вневременного *среза* изучаемого явления, вещи. Формальная логика изучает точно, детально и скурпулёзно, но всегда — *прошлое*. Априорные принципы чувственности косвенно связаны по крайней мере с первым мыслительным этапом — этапом рассудка. Точка соприкосновения хронологичности и пространственности чувственности с рациональным — понятие. Понятие по Канту — именно та форма мысли, в которой сходятся «живые» и подвижные, непрерывные и бесконечные время с пространством и ищущий, систематизирующий рассудок.

Через чувственное наполнение понятие наделяется хронологичностью и пространственностью. То есть, понятие представляет собой мысль, выраженную объёмно и динамично. Если быть до конца точным — понятие, благодаря своему созерцательному наполнению, несет в себе потенциальную способность к динамике и чувственному раскрытию. Понятие, запечатанное знаком системы под названием «речь» являет собой некую самодостаточную онтологическую точку, имеющую в себе всё для развёртывания бытийной вселенной. Некий *микрокосм*. И это при безусловной первичности теоретико-познавательных посылок.

Понятие у Канта - это не фундаментальная неделимая единица бытия, как лейбницеанская монада, и далеко не единица рационального познания. Повторимся — исходя из духа кантовской гносеологии можно сказать, что понятие является семиотически зафиксированной хронологично-пространственной рациональной точкой, содержащей в себе всё необходимое, гносеологической капсулой. И в этой

* © Бугаев А.Е.

теоретико-познавательной единице нет места разрыву между чувственностью и рассудком — здесь нет места аналитическому баловству.

Кантовское понимание времени в первую очередь интересно нам его возможностью фиксации. Действительно, если время всего лишь присущая человеку познавательная способность, интерпретирующая вневременную трансцендентную вещь-саму-по-себе, то сам человек властен зафиксировать ее в рассудке. И исследовать растянутое во времени явление точка за точкой, дискретно, а ведь именно так только и может работать формальная логика, раскрывать всю свою мощь.

То, что представление о непрерывности чуждо человеческому рассудку, заметили еще античные мудрецы, однако именно Кант связал эту сложность не с якобы несовершенностью человеческого рассудка, а со спецификой человеческой чувственности, с присущим ей свойством временности. Именно в представлениях о времени кроется противоречивость непрерывности и невозможности помыслить непрерывность (безусловно, лишь в рамках формальной логики метафизического исследования). Чем более наполнена ощущениями единица времени, тем сложнее их систематизировать. Напрашивается вывод - коль наш разум может что-либо познавать лишь *последовательно*, ему дано чувство времени для реализации этой необходимой последовательности. Это один из аспектов взаимосвязи чувственного познания и познания рассудочного. Он обусловлен требованием логики к последовательности в рассудке, с одной стороны, и обеспечивающим эту последовательность временем в чувственности, с другой.

Мышление всегда последовательно. Точнее, мышление тем более ценно, чем оно более последовательно выверено (а уж быть оно может любым). Последовательность мышления, по видимому, как раз и определяется последовательностью времени. Та или иначе, но все три ступени познавательного процесса по Канту синхронизируются друг с другом по одним и тем же правилам, единым *ритмом*. Последовательно рассуждать и последовательно мыслить можно лишь имея четкие правила понимания *последовательности*. Её свойства, а значит и вся ритмика познавательного акта обусловлены правилами, по которым существует и действует время. И в этом смысле именно внутреннее ощущение человеком времени, постоянное осознание временной распределённости свойств познавательных способностей человека позволяет сказать о том, что время есть важнейшее свойство познавательных механизмов человека.

Образно говоря, чувство времени есть то чувство, которое приводит в движение все познавательные механизмы. И, что самое важное, время относится не только к чувственности, но является двигателем познания, тем что обеспечивает существование познания как процесса. Процесс осмысления (обретения смысла) — всегда есть процесс перехода от хаоса к порядку. Осмысление как упорядочивание предполагает *последовательность*. Последовательность предполагает *ритмичность*. Ритмичность по определению темпоральна. Время — это среда, в которой с помощью знаковой системы актуализируется мышление.

В качестве примера существования мышления во времени может служить тот факт, что еще во время первых попыток создания ЭВМ, или так называемого «искусственного интеллекта», ученые столкнулись с необходимостью применения генератора тактовой частоты. Очевидно, генератор тактовой частоты является устройством, обеспечивающим среду существования рассудочной деятельности.

Но при всем вышесказанном объединяющую роль чувственности и рассудка играет знаковая система. Речь, которая наполняет внешним содержанием мышление

является своеобразным мостом между миром внутреннего, мыслительного и миром внешнего, чувственного. Знаковая система способна адекватно отразить все многообразие феноменов и предоставить их в пригодном для проведения мыслительных операций виде. Безусловно речь принадлежит внешнему — мы можем услышать, увидеть или другим образом почувствовать знак, соответствующий тому или иному понятию. Вместе с тем, под этим знаком понимается нечто, пусть огрублённое абстракцией, но пригодное для анализа, пригодное для использования в качестве объекта исследования на другом, принципиально ином и неизмеримо более мощном уровне познания. Образно можно сказать, что знак, предоставляемый с помощью речи мышлению, представляет собой некий «кирпичик» - элемент, полностью пригодный к встраиванию в логическую систему, чего не скажешь о явлении, которому этот знак соответствует.

К вышесказанному остается добавить то, что понятие *ритма* неразрывно связано с временем, и что именно некий организующий ритм чаще всего является необходимым условием появления стройных и заслуживающих внимания теорий. А если говорить о ритме, то невозможно не вспоминать о последовательности... Ритм, по всей видимости, является внешней стороной времени, тем, в форме чего для нас даётся время. Любое темпоральное явление для нас обязательно имеет ритмический рисунок. Явственной всего потребность в ритмичности выражается в искусстве.

В первую очередь отметим музыку. Представить себе музыку без ритма — невозможно. Музыкальное произведение всегда разворачивается в определенной ритмической последовательности. Как и в примере с мышлением ритм является некоей средой, в которой музыка актуализируется. Своеобразие музыкального искусства кроется в том, что ритм, безусловно существующий во времени, неоднороден. Он как бы являет собой новую темпоральную среду, в которой, во всяком случае метафорично, время подчинено музыке, да и сама музыка требует для себя специфичное хронологическое начало. В этом отличительная черта музыкального искусства от всех остальных. Музыка даёт слушателю ощущение свободы, которое не может дать ни одно другое искусство. Это — свобода от времени. Внимательный слушатель перестаёт существовать в объективном времени, он освобождается от него и предается времени-ритму музыки.

Другим, весьма интересным в этом отношении искусством является архитектура. В ней, пожалуй, в первом из искусств, нашел своё место уникальный феномен пространственной ритмичности — повторяемости и последовательности. Недаром архитектуру называют застывшей музыкой — несмотря на относительную статичность во времени, в архитектуре с помощью пространственных приёмов отражается представление о ритмичности. А коль мы понимаем ритм как феномен времени, его способ представляться нам, то можно сказать о пространственно-временном характере архитектуры. Перефразируя высказывание о застывшей музыке можно сказать — архитектура это искусство, выражающее время через пространство.

«Поскольку движение от одного качества к другому совершается в постоянной непрерывности количества, постольку отношения, приближающиеся к некоторой окачествующей точке, рассматриваемые количественно, различаются лишь как «большее» и «меньшее» (2). Однако неслучайно сам Кант говорил о “коперниканском перевороте”. С его точки зрения, анализируя и изучая что-либо, человек манипулирует не познаваемым объектом, процессом, а *самим временем*. Оно ведь - внутреннее чувство, данный нам инструмент актуализации “для нас” бытия. Возможно, инструмент огрубления и упрощения, но всегда - познания. Очевидно, что

внутреннее противоречие познавательных способностей человека между статичностью формальной логики с одной стороны, и внутреннем чувстве времени, с другой, и есть одно из оснований кантовской гносеологии.

Существует возможность *фиксации времени*, нахождения необходимого для исследования временного среза, без остановки мысли. Наоборот, также как пространство разворачивает непознаваемую точку, вещь-в-себе в объемный предмет, который можно уже исследовать не весь в своей целостности, но выделяя в нём части, т.е. анализируя, так и время, своей возможностью сначала открыть предмет, а потом исследовать цикл его жизни последовательно, делая необходимые паузы.

Мысль не обязательно истинна, мысль не обязательно об истине. Но — всегда оформлена, коммутируется с помощью знаковой системы. Истина же подчас не поддается объяснению (т.е. не всегда наполнена смыслом). Истина очень часто не передается. Ненавистно предчувствие того, что сейчас оформленная в речь для передачи - истина пропадает. Мы пытаемся её осмыслить, выразив в знаках, наполнить измеряемым количественно объёмом, тратим массу сил и *времени*, а истина ускользает. Философы подчас завидуют художникам, передающим в зрительном образе больше и точнее. Мы наполняем её онтологическим содержимым, мы даже можем измерить объём информации — но объём смысла не поддается количественным характеристикам.

Тут необходимо обратить внимание на то, что суть этих, по смыслу теоретико-познавательных парадигм почему-то принято выражать в онтологической интерпретации. Например, Юм говорит: «Неотделимое от времени и некоторым образом составляющее его сущность свойство заключается в том, что каждая из частей времени следует за другой и никакие из этих частей, как бы смежны они ни были, никогда не могут сосуществовать» (3).

В этом — единство смысловой основы времени и пространства. Ведь пространство (по крайней мере в классической философии Нового времени) является «вместилищем всех вещей». То есть оно, во-первых, указывает на то, что все вещи располагаются в нем, оно определяет нам их местоположение. Во-вторых, оно является еще и тем, что определяет физическую форму вещей, т.е. феноменов, а если помнить, что «никогда нельзя себе представить отсутствие пространства, хотя нетрудно представить себе отсутствие предметов в нем»(4), то для нас оформленность вещи в пространстве — одно из условий эмпирически выраженного существования самой вещи. Аналогично и время есть то, в чем, с одной стороны, располагаются отношения последовательности, точнее, время есть возможность последовательности, а значит — возможность восприятия постольку, поскольку восприятие нуждается в последовательности; как говорит сам Кант — «форма внутреннего чувства»(5).

Из приведенной цитаты понятно, что время еще до Канта стали рассматривать в онтологическом аспекте. Точнее, тот или иной тип метафизического понимания времени обосновывается в рамках онтологической проблематики. Не является исключением и кантовская концепция времени. Дело тут в следующем.

Безусловно, Кант начинает выстраивание системы понимания времени с гносеологических посылок, исследуя структуру познавательных способностей на этапе чувственности. Однако даже предварительные характеристики, которыми наделяется время - у Канта уже по сути онтологические. Оригинальность кантианства в том, что время переносится из одной бытийной сферы в другую — из окружающего нас мира в рамки познавательных способностей человека; оно перестает быть атрибутом природы и становится способностью (атрибутом) человеческого познания. И

уже на этой онтологической концепции строится уникальная гносеология классического трансцендентализма.

И в этом смысле перед нами возникает необходимость определения места кантианского типа понимания времени. Время для Канта — то, с помощью чего мы познаем, то, что обеспечивает возможность познания. Однако теоретико-бытийные аспекты феномена времени так или иначе прослеживаются во всех его работах. Вместе с тем, понятие смысла в системе Канта четко не определено и выражено смутно, хотя, вероятно, поставлено в зависимость от времени.

В конце концов, любой познавательный процесс являет собой деятельность по обретению смысла, точнее, такое обретение — логический конец любого познавательного акта, его максима. Смысл — это цель любого познавательного акта, никакое познание не нужно ни для чего, кроме как для обретения смысла. Однако, роль времени в процессе познания в виде получения информационного материала Кантом изложена довольно детально, и главный вывод его рассуждений состоит в том, что время есть априорная возможность чувственного познания, то есть, время необходимо на самом первом этапе — этапе чувственности.

В то же время если говорить о понятии смысла, то смыслополагающая деятельность возможна лишь на финальной стадии познавательного акта, а именно, по Канту — на этапе разума. Лишь в разумной стадии познания полученному чувственностью материалу, подведенному под понятия на этапе рассудка начинает придаваться смысл. Сначала знание конструируется, создается его каркас, затем на нем обретается содержание и, наконец, знание оживает. Смысл — это жизнь знания, это цель его существования (наверное, единственная цель). Знание только тогда ценно, когда оно осмысленно, когда оно несет или имеет смысл.

Как же соотносится понятие смысла и понятие времени? В рамках кантовской теории познания можно сказать следующее. Поскольку познавательный процесс у Канта линейен, и последовательно проходит стадии чувственности-рассудка-разума, а время — одно из условий чувственности и ключевых понятий трансцендентальной аналитики, то, косвенным образом, участвуя в формировании предварительного материала для рассудка, время определяет и обретаемый в познавательном акте смысл. Позиционируя тот или иной факт в прошлом, настоящем или будущем, такой хронологический аспект может определять полезность, актуальность, истинность того или иного наполненного смыслом знания для смыслоищущего субъекта.

Поскольку сама вышеуказанная линейность или последовательность познавательного процесса, вместе с тем, подразумевает хронологическую основу, на первый взгляд кажется обоснованным мнение о первичности времени по отношению к нему. Иными словами, априорная возможность чувственного восприятия под названием «время» является не только возможностью систематизации познаваемого материала, но и самого процесса познания.

Словом, онтологические аспекты сформулированных Кантом проблем, неотделимы от понятия времени. Попытка их сколь-нибудь последовательного решения невозможна без четко сформулированной концепции времени, в рамках которой варианты ответов на эти ключевые вопросы чистого разума становятся возможными.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Коген Г. Теория опыта Канта. Глава 16. Система критического идеализма // Вопросы философии.- 2006.- №4.- с.152.
2. Гегель. Наука логики.- М.: Мысль, 1998.- 1072с.- (Классическая философская мысль). - С. 401. - ISBN 5-244-00905-2.

3. Юм Д. Трактат о человеческой природе /Пер. с англ. С.И. Церители; Под общ. ред., со вступ. ст. и примеч. И.С. Нарского.- Мн.: ООО «Попурри», 1998.- 720 с. - С. 90.- ISBN 985-438-191-9.
4. Кант И. Критика чистого разума/Пер. с нем. Н. Лосского.- Мн.: Литература, 1998.- 960 с. - (Классическая философская мысль). - С.130.- ISBN 985437-396-7.
5. Кант И. Критика чистого разума/Пер. с нем. Н. Лосского.- Мн.: Литература, 1998.- 960 с. - (Классическая философская мысль). - С.139.- ISBN 985437-396-7.

A. Bugaev

CHRONOLOGICAL ASPECT OF THE CATEGORY OF SENSE IN PHILOSOPHY OF IMMANUIL KANT

Abstract: In work the basic aspects of a category of time of Kant philosophy are considered. Informative process is considered as chronologically caused judgement. Attempt of the analysis of modern understanding of a category of sense in principles of Kant gnoseology is thus carried out.

Key words: category of time and of sense, I. Kant's philosophy, truth, sensuality, mind.